

Янгузин Айбулат Римович

ФИЛОСОФИЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Статья раскрывает специфику философии в современности. Основное внимание в работе автор акцентирует на трансформации и развитии человеческой сущности в духовном поиске.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 211-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

себя такой мир, на который было бы приятно смотреть [б, с. 75, 236-237]. Хочется верить, что со времён Питера Брейгеля мир стал лучше.

Любой художник – это не только творец, но и прекрасный психолог, психоаналитик и психотерапевт, передающий достоверно не только внешнее сходство, но и внутренний мир героев («внешнее отражает внутреннее»). Чтобы почувствовать внутренний мир, не обязательно владеть художественным образованием. Например, картина *Томаса Гейнсборо «Супруги Эндриус»*. Беглый взгляд, и чувствуешь, понимаешь, что мужчина, изображённый на портрете, мягкотелый и неуверенный в себе, а его супруга, напротив, сильная личность. А рассматривая «*Портрет Папы Иннокентия X*» работы *Диего Веласкеса*, увидишь жёсткого, прагматичного и умного политика. Искусствоведы и историки могут продолжить наше описание, но здесь важно именно первое впечатление.

Задача любого творца – сделать наш мир лучше. Основная задача психолога – помочь человеку разобраться в самом себе, в других людях и в окружающем нас мире. Художник стремится решить эти задачи в одном произведении, а конечное мнение за зрителем и читателем.

Список литературы

1. **Биография М. П. Мусоргского** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mussorgsky.ru> (дата обращения: 30.10.2010).
2. **Большой словарь иностранных слов** / сост. А. Ю. Москвин. М.: Центрполиграф, 2006. 816 с.
3. **Герман М. Ю. Модернизм. Искусство первой половины XX века**. СПб.: Азбука-классика, 2005. 480 с.
4. **Жабцев В. М. Портрет в русской живописи**. Минск: Харвест, 2008. 128 с.
5. **Мёрфи Р. Мир Сезанна. 1839-1906** / пер. с англ. М. Шейкера. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 192 с.
6. **Синельников В. В. Возлюби болезнь свою. Как стать здоровым познав радость жизни**. М.: Центрполиграф, 2009. 416 с.
7. **Терра-Лексикон: иллюстрированный энциклопедический словарь**. М.: ТЕРРА, 1998. 672 с.
8. **Фут Т. Мир Брейгеля. 1525-1569** / пер. с англ. А. Богдановского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. 192 с.
9. **Художественная галерея: Врубель** / гл. ред. А. Панфилов. М.: De Agostini, 2005. № 48. С. 1-31.
10. **Художественная галерея: Давид** / гл. ред. А. Панфилов. М.: De Agostini, 2005. № 51. С. 1-31.
11. **Художественная галерея: Репин** / гл. ред. А. Панфилов. М.: De Agostini, 2005. № 36. С. 1-31.

ILLNESS THEME IN PAINTING AND VARIANTS OF ITS PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION

Nataliya Anatol'evna Yushkova, Ph. D. in History
Department of Classical and Social Disciplines
Syktuykar Forest Institute
human@sfi.komi.com

The author undertakes the attempt to connect art criticism material with psychology. Illness as such shown in painting is analyzed through the research of the psychologist and psychotherapist V. V. Sinel'nikov.

Key words and phrases: painting; illness; psychology; psychological interpretation; V. Sinel'nikov.

УДК 101.1

Статья раскрывает специфику философии в современности. Основное внимание в работе автор акцентирует на трансформации и развитии человеческой сущности в духовном поиске.

Ключевые слова и фразы: сострадание; страдание; духовный поиск; духовное напряжение; этическое просвещение.

Айбулат Римович Янгузин, д. филос. н., доцент
Кафедра философии и методологии науки
Башкирский государственный университет
nbret@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ®

В человеке должны быть обретены те великие, поддерживающие человеческое сознание убеждения, без которых наша жизнь не имела бы цели и потому была бы лишена достоинства и самостоятельности. Если человек есть конец в такой же мере цель всего становления, то вправе ли мы на данном основании тотчас же объявить его конечной целью? Мы были бы вправе это сделать, если бы смогли указать то, чего желало достичь им то существо, которое прошло все стоянки и стадии становления как действующая причина. Но в состоянии ли мы это сделать? Мы, конечно, могли бы помыслить то существо как изначально слепое и абсолютно случайное, рвущееся сквозь все ступени становления к сознанию и в этом случае человек был бы тем

самым моментом, в котором слепая природа добиралась бы до самосознания, «Но этого-то как раз и не может быть, - писал Шеллинг, - так как наше самосознание никоим образом не есть сознание той прошедшей сквозь всё природы. Оно – лишь наше сознание и ни в коем случае не заключает в себе науку всего становления, это всеобщее становление остаётся для нас таким же чуждым и непрозрачным, как если бы оно вообще никогда не имело никакого отношения к нам» [5, с. 34].

Шеллинг, безусловно, прав, когда подчёркивает, что «сознание человека не равно сознанию природы» [Там же]. Однако в действительности дела обстоят по-другому. Если природа оказывается непроницаемой для человека, то основание этого взгляда состоит в том, что человек отрёкся от природы и что он был предназначен не к тому, чтобы быть целью не зависящего от него процесса, а к тому, чтобы самому явиться основоположником нового процесса, созидателем духовного мира, возвышающегося над миром природы. Эта великая тема, тема истинного основания мира и человека, который движется в «поднебесном мире», ориентируясь по звездам, и стала основной онтологической темой классического суфизма [3, с. 15].

Сегодня от философии ждут слишком многого. Но философия, тем не менее, сама испытывает по отношению к себе пренебрежительное отношение. Трудно где-либо обнаружить то всеобщее участие, то страстное увлечение философией, которое было распространено в прежние времена. И всё-же, если мы в философии находим средство исцеления от раздробленности и разорванности духа современной эпохи, то тем самым мы имеем в виду сильную философию, а именно такую, которая соизмерима с жизнью и присущими ей потенциями и которая, будучи далёкой от того, чтобы чувствовать себя беспомощной перед жизнью, может черпать свою силу из самой действительности, а потому и сама порождает в свою очередь активно действующее и постоянное.

При этом нам могут возразить: разве дело науки и философии стремиться к тому, чтобы гармонизировать пронзительные диссонансы настоящей эпохи? Не следовало бы, скорее, от поэзии ожидать её исцеления и приведения в состояние порядка? Однако исторический опыт нам показывает другое: счастливая и удовлетворённая эпоха как бы произвольно изливается в поэзию, что следовательно, поэзия составляет как бы естественный продукт умиротворения и покоя. Напротив, история не знает примеров, «чтобы какая-либо глубоко разорванная, потерявшая к себе самой и полная сомнений в себе эпоха исцелила или привела себя в порядок с помощью поэзии» [5, с. 40].

Были времена, когда поэзия и философия шли вместе. Это были относительно счастливые времена, и поэзия существовала в основном для счастливых. Но где эти счастливицы сегодня? Наше время, пребывая в разладе со своим прошлым и настоящим, не может прорваться в другую эпоху. Ведь, если даже в такое смутное время и находится настоящий поэт, он все равно не может собрать в своём духе всю разногласицу времени и часто вынужден братья за нечто отвратительное по своему содержанию. И всё-же духовный и культурный прогресс достигается, на наш взгляд, именно в тот момент, когда философия вступает в глубокую, внутреннюю связь с поэзией. Поэзия – это более высокая духовная потенция, чем изобразительное искусство. Она продуцирует, созидает идеи, оживляя язык. Она предшествует философии. В то же время, возрождающаяся философия приводит к новой эпохе поэзии уже потому, что она возвращает последней великие темы, в которые современная нам эпоха утратила веру.

Одна из этих вечных тем – тема любви. Западноевропейский и Восточный ренессанс достиг значительного прогресса в мышлении, в преодолении раздробленности своей эпохи в силу того, что сосредоточил всё своё внимание на самой творческой потенции жизни. Ведь, если вспомнить «Винную касыду» Ибн ал-Фарида, то это – гимн «вину Божественной любви, которое утоляло жажду любящих ещё до того, как был создан виноград, т.е. в день Завета, и которое пьянит мир, исцеляет больных, даёт прозрение слепым и слух глухим и ведёт человека, подобно Северной Звезде, к извечной цели» [6, с. 217].

Истинный защитник философии сегодня, разумеется, не должен ждать, пока другие выступят с возражениями против ожидаемого её союза с поэзией и гуманитарным знанием. Ведь, как только он высветит возвышенную сторону философии, так что долгом станет обнажение её мрачной, отпугивающей стороны, которая состоит в том, что до сих пор ни один способ философствования, ни одна из философских систем не смогла утвердиться надолго.

Многие люди без всякого призвания к философии тратят лучшие годы на бесплодные домогание философии, опустошая свой внутренний мир. Высшая духовная потенция человека – душа – оказалась сегодня ослабленной. Но так думают, однако, далеко не все. Широко распространено мнение, что следует исходить из чисто логической связи вещей. Однако нечто ускользающее от рационального познания всё-же более существенно и более существенно, нежели то, что доступно разуму, опирающемуся на одни только логические критерии знания.

Философский иррационализм обратил своё внимание именно как раз на данный момент, апеллируя к теме неземной любви. Ведь, если мистицизм (как форму крайнего иррационализма) определить как любовь к Абсолюту, то всё сразу же становится на свои места, поскольку сила, отличающая подлинный мистицизм от аскетизма, есть любовь. «Божественная любовь, - пишет Аннемари Шиммель, - даёт ищущему способность выносить непосланные ему для испытания и очищения души трудности и даже радоваться им. Такая любовь способна внести сердце мистика в Божественное присутствие “подобно уносящему добычу соколу”, отделив его от всего сотворённого во времени» [Там же, с. 14].

Суфийским учениям, начало формирования которых относится к середине VIII – началу IX века, изначально был присущ анализ мельчайших движений души человека, скрытых мотивов его поступков,

повышенное внимание к личному переживанию и внутреннему сознанию религиозных доктрин. Современная же эпоха, которая с пониманием относится лишь к приятному, полезному и удобному (комфортному), в значительной мере ослабила именно внутренний мир человека; на место вдохновения и интуиции пришли трезвый расчет и желание почерпнуть истину, исходя лишь из одного эмпирического опыта. Однако, как говорил А. Шопенгауэр, самого большого проникновения в сущность мировых процессов добиваются как раз гениальные натуры, которые способны на такое проникновение не благодаря понятийному мышлению, как считал Гегель, а с помощью интеллектуальной интуиции, т.е. с помощью особой способности к художественному, поэтическому освоению мира. Экстаз – это высшее вдохновение, с помощью которого суфии пытались охватить предмет непосредственно, действительно играет очень большую роль в человеческой жизни. Аль-Газали в своей книге «Киеен саодат» (Эликсир счастья) приводит рассказ одного человека, который пел следующее: «Не посетило меня во сне ничего, кроме мечты о Вас». Стоявший рядом суфий пришел в экстаз. Когда его удивленно спросили о причине экстаза: «Ведь ты же не понимаешь, что он говорит?». Он ответил: «Как не понимаю? Он говорит, что “мы измучены”, и правду говорит: все мы измучены и устали, находимся в опасности» [1, с. 47].

Существовая в эпоху всеобщего отчуждения и самоотчуждения, человек становится бездушным, а тем самым и бездуховным, т.е. характеризуется неразвитостью души, чувственных переживаний, что приводит в свою очередь к неразвитости в выборе ценностных ориентаций, в том числе существующих философских течений.

Иногда говорят, что всякая философия есть всё же философия. Ведь является же фруктом любой сорт фруктов?! Человек, который отказался от апельсина или какого-то другого сорта по той причине, что он желал только фруктов, а не этого фрукта, все нашли бы странным. Поэтому рассуждая дальше в этом плане, можно сослаться на следующие слова Шеллинга: «Я не думаю, что, то возрождение против философии, которое делают на основании наличия различных философских систем, можно было отклонить при помощи одного этого сравнения. Во-первых, неправда, что тот, кто желает фруктов, должен поэтому принять любой фрукт, ибо если бы ему под этим наименованием предложили, например, лесные груши или так называемый недозревший виноград, то он имел бы право сказать, что это не фрукты, а он хотел фруктов, а именно съедобных фруктов. Во-вторых, дело обстоит не так, что мы испытываем потребность лишь в философии вообще. Это было бы, к примеру, в духе отцов или опекунов, наставляющих своих подопечных слушать в университете также и философию – все равно какую, раз уж в состав необходимого образования входит знать что-то и о ней, либо сверх того, чтобы все же получить определенный навык в логическом и диалектическом аргументировании или как обычно говорят, чтобы вообще привести голову в порядок» [5, с. 44-45].

Строго говоря, о философии кое-что стремится знать каждый человек, даже тот, кто делает вид, что она ему несимпатична. Если бы человеку сказали, что он не обладает философским складом ума, то это обидело бы его намного больше, чем если бы его упрекнули в том, что он не умеет рисовать, писать стихи, решать математические задачи или играть в шахматы.

Однако найдется очень мало натур, которые пожелали бы не просто философии вообще, а Философии с большой буквы, философии, которая во все времена остается ею.

Такие личности не относятся к философии как к чему-то такому, что обретается исключительно посредством обучения и, таким образом, представляется чем-то замкнутым в себе. Для них, напротив, важнее всего не предписания и каноны, а рациональное «зерно» всех предшествовавших им разработок. Они стремятся «воздать по заслугам» всем системам, «которые ведь должны найти свою цель в истинной философии» [Там же, с. 45].

Наибольшей страх у такого человека как раз и возникает в тот самый момент, когда публика готовится вынести заключение, согласно которому он, якобы готовится к восприятию какой-то одной философской системы, а все остальные точки зрения при этом умышленно забыты. Ничто не возмущает душу больше, чем утрата свободы научного исследования. Поэтому в настоящей работе мы будем стремиться основательным образом к такому мировоззренческому синтезу, который самые животрепещущие проблемы бытия поставил бы во главу угла.

Сложившаяся ситуация делает еще более актуальными те учения, в которых первостепенное внимание уделяется не просто проблеме человека как малого мира, который на своем пути к духовному и нравственному совершенству обнаруживает целое множество стоянок (ед.ч. макама) и состояний (ед.ч. хал), а проблеме поиска новых духовно-энергетических ресурсов или, другими словами, вопросу о новых внутренних источниках бытия. Согласно Ибн Араби, между абсолютно трансцендентной и материальной областями Божественного мира находится промежуточный мир подобий (алам ал-мисал), куда проникает лишь воображение суфия. Данный мир как бы напоминает нам о том, что человек не может посвятить свою жизнь ни исключительно Божественному, ни исключительно земному. Помимо всего прочего, даже самые светлые помыслы не следует проводить в общественную жизнь слишком непреклонно; требуются остановки, стоянки, на пути приближения к общественному и нравственному идеалу чувство меры во всем.

Многие философские системы, крупнейшие религиозные доктрины уже не выдерживают напора времени, медленно удаляясь с исторической сцены. Что идет им на смену? Чем должно жить человечество в ближайшие десятилетия? Все эти вопросы заслуживают своего рассмотрения, не отрываясь, так сказать, от «земли философии».

Мы полагаем, что философия есть, прежде всего, свободное убеждение и всякий, кто ею занимается, должен опираться на свою внутреннюю интуицию и свои собственные убеждения. При этом государство не должно вмешиваться в отношения между учителем и учеником. Именно оно часто философии выдвигает

тот упрек, что философы не в состоянии прийти к соглашению даже относительно ее понятия. Что это за наука, о которой неизвестно даже то, что она собой представляет?

Но это все же не так печально, как может на первый взгляд показаться. Шеллинг в этом плане развивает ту мысль, что «из всех дефиниций (философии – А. Я.) едва ли найдется хоть одна безоговорочно ложная, из чего, впрочем, не следует, что хотя бы одна из них истинна. Во-вторых, эти дефиниции во многом зависят от отдельных положений той или иной философии, от весьма индивидуальных воззрений, так что разнообразие дефиниций лишь указывает на разнообразие систем, поскольку каждый строит свою дефиницию так, чтобы она подходила к его системе» [4, с. 62]. Кроме того, разногласия в подходах к определению философии показывают, что она по всей вероятности, не является чисто научной дисциплиной, подобно геометрии. Хотя, рассуждая в этом плане, можно, как нам думается, выделить следующие парадигмы:

- философия как особая наука;
- философия как логика и диалектика;
- философия как мозаика в исторически снятом виде;
- философия как искусство;
- философия как форма общественного сознания;
- философия как мировоззрение;
- философия как действительная мудрость.

Существуют и другие парадигмы и мы, конечно же, не претендуем здесь на то, чтобы дать полную и исчерпывающую палитру мнений. У каждой парадигмы есть свои апологеты. Но следует сразу же заметить, что тот, кто хочет совсем отстраниться в своем определении философии от недуховного, утрачивает всякий материал. Такой методолог, подобно летучим осенним паутинкам, лишь ненадолго поднимается в воздух, так что первый же ветер унесет его далеко прочь от анализа подлинной сущности философии.

Если некоторые скажут, что философия не является наукой и при этом сошлется на математику, которая, как наука, якобы, не допускает различных систем [Там же, с. 63], то им следует напомнить, что в геометрии таких систем уже существует большое множество (эвклидовы, псевдоевклидовы, неевклидовы).

Нам думается, что в любом из вышеназванных определений философии имеется целое множество подводных камней. Так, многие продолжают считать, что философия – это стремление к мудрости. Однако если бы цель достижения мудрости не была достижимой, то и стремление к ней означало бы полное сумасбродство. Данному «заблуждению – считать философией одно только стремление – способствовало и то обстоятельство, что факты (Thatsachen), с которыми имеет дело философия, суть факты высшего порядка, ибо даже если они принадлежат другим наукам, все равно в философии они постигаются на более высоком уровне и в отношении к широкому целому. Этот высокий уровень постижения наталкивает на мысль, что это уже и есть собственно наука; но даже высшие факты суть все же не более чем факты, и философия должна выйти за пределы фактов, иначе она и в самом деле была бы лишь подготовительной наукой» [Там же, с. 148-149].

Философия, если действительно хочет быть результатом научного усилия, должна, на наш взгляд, достичь принципа свободы. Ведь, ее сущность и заключается в свободе. Выработать новое понимание свободы – означает развить философию дальше. Но для этого необходимо заново поставить проблему начала.

Логические системы Спинозы, Фихте, Гегеля и, в какой-то мере, Маркса, акцентировали главное внимание на таком понимании начала, согласно которому «начало» связано с категорией «долженствования». Все это вылилось в такое понимание, что «светлое будущее» человечества еще впереди и к нему надо всеми силами стремиться. Однако «начало» не может являться тем, что «должно быть», поскольку тогда это уже не начало, а конец. Поэтому философия, в нашем понимании, есть прежде всего наука о действительности, т.е. она изучает то, что есть, а не то, что только может или должно быть.

Философия, другими словами, принадлежит не только тому, что только мыслится, не только абстракции, а тому, что действительно существует, поскольку то, что существует, часто превосходит то, что только может быть. Стремясь к лучшему будущему, люди довольно редко не разрушают того положительного, что имеется и накоплено в настоящем.

Мистику, если рассуждать в этом плане, как раз и отличает стремление к положительному, которое желает освободиться от рационального. Под мистическим, если оно присутствует в философии или в каком-либо учении, можно понимать только нечто непонятное. Однако это вовсе не означает, что мы должны полностью победить непонятные и вообще изгнать из философии.

Так, один из первых суфиев, египтянин Зу-н-Нун, сопоставляя божественные имена «Джалал» («вечная красота») и «Джалал» («вечное сияние»), оказал влияние на немецкого богослова Рудольфа Отто, создавшего теологическую систему, которая основана на контрасте между *mysterium tremendum* (пугающая тайна - лат.) и *mysterium fascinans* (очаровывающая тайна - лат.). Так, научным языком он выразил истину, известную каждому суфию. Зу-н-Нун рассуждал о свойствах божественного «Джалал» и полагал бедствия необходимым условием духовного развития человека, но не любил, когда кто-либо превращал подобные чувства в зрелище» [6, с. 43].

Если верно то, что мистическое означает переживание мира как ограниченного целого, то не является ли философия определенным восстанием против всего конечного? Так, Зу-н-Нун, встретив на морском берегу женщину, спросил ее: «Что такое конец любви?». Она ответила так: «О простак, у любви нет конца». Он тогда спросил: «Почему?». Она сказала: «Потому что у возлюбленного нет конца» [Там же].

Известно, что суфии относили любовь к божественной сущности; подобно самому Богу она не имеет ни начала, ни конца.

С чисто рассудочной точки зрения ограниченное, конечное, конечно же, представляется лучшим, а неограниченное менее благим. Ведь любой человек существует лишь благодаря ограниченному. И все же данное воззрение является пристрастным. Уже в самых древних воззрениях прослеживается некая воля – не быть исключительным бытием, но быть в качестве духа. Такое бытие предполагает неограниченное бытие. Это – великое положение, которое делает возможной науку и открывает врата понимания.

В современную нам эпоху любой начинающий философ сталкивается с определенным набором имен и концепций, так что он, часто помимо своей воли, оказывается вовлеченным в извечный круговорот событий, становится подверженным господствующим идеям, которые уже достаточно въелись в его плоть и кровь. Но философия как свершение должна не только «схватить» эпоху в мысли (Гегель), но и выйти за границы своей эпохи. В противном случае последняя никогда бы не имела конца.

При этом необходимо еще учитывать следующие вещи. Существующие сегодня «различные миры могут осуществляться и взаимодействовать по-разному – пожирать друг друга, уничтожать друг друга, сотрудничать и объединяться для решения различных совместных проблем существования, а могут и не взаимодействовать вообще, сосуществуя в “параллельных мирах”, каждый из которых порождает из ничто и остается ничем для других миров» [2, с. 13]. Вместе с тем возможность различных форм осуществления единства приводит к тому, что в каждой конкретной ситуации оказывается жизнеспособным определенный оптимальный тип единства – общности. Поэтому человеку следует внимательно отнестись к самой проблеме выбора типа единения.

В данном отношении методологически и исторически продуктивным оказывается принцип мозаичности как принцип осуществления бытия. Лишь в мозаике как целом есть смысл бытия. Она, на наш взгляд, составляет внутренний исток бытия, не позволяя сущим вещам изнурить себя в бытии, так, чтобы те перестали выступать его источниками.

При этом отметим и то, что современная философия не может выступать и в качестве философии веры. Ведь тот, кто поклоняется этой чувственной сущности, чахнет от духовного истощения. Сама его вера оказывается содержательно пустой, так что человеческий дух оказался бы поистине в печальном положении, не будь он до сих пор достаточно сильным, в своем продвижении к высшему.

Список литературы

1. Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. М.: Наука, 1965. 527 с.
2. Галимов Б. С. Конец философии? // Философия и современность: мысли, понятия, идеи. Изд-е Башкирск.ун-та. Уфа, 1999. 100 с.
3. Пять философских трактатов на тему «Афак ва анфус» (о соотношениях между человеком и вселенной). М., 1970. 149 с.
4. Шеллинг Ф. В. Й. Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827-1828 гг. в записи Эрнста Ласо. Томск: Изд. «Водолей», 1999. 230 с.
5. Шеллинг Ф. В. Й. Философия откровения. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. 699 с.
6. Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. М.: Алетея, Энигма, 2000. 416 с.

PHILOSOPHY AT THE TURN OF MILLENNIA

Aibulat Rimovich Yanguzin, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and Methodology of Science
Bashkir State University
nbret@yandex.ru

The article reveals the specificity of philosophy at modern times. The author pays special attention to the transformation and development of human essence in spiritual search.

Key words and phrases: compassion; suffering; spiritual search; spiritual effort; ethical enlightenment.